

ЭТНОГРАФИЯ КОММУНИКАЦИИ И РЕЧИ

*А. Шамахмудова*¹

Аннотация:

В статье рассматриваются коммуникативные акты, осуществляемые в различных социокультурных условиях и включаются в качестве центра анализа вербальной активности. Этнография коммуникации рассматривает проблему лингвистической компетенции как величины совершенно обновлённой, и зависящей частично от социальных факторов, принимает новую концепцию в этом отношении, а вместе с ним название «коммуникативная компетенция», чтобы описать данный процесс.

Ключевые слова: лингвистика, дискурс, этнография коммуникации, речь, контекст, теория речевых актов, язык, культура.

doi: <https://doi.org/10.2024/17tyep59>

Как известно, лингвистика прочно закрепились в панораме социальных и гуманитарных наук XX века в виде науки о языке как человеческой способности, так и как социального явления. В поисках объяснения данного феномена, в лингвистических исследованиях на протяжении этого периода развивались различные методологические ориентации, каждая из которых занималась специфическими особенностями масштабов этой сложной реальности.

Первый момент сконцентрирован на структурном объёме языка, и впоследствии исследование ориентировалось в основном на определение, что понимается под языком, и описание того, как организована лингвистическая система, какие элементы её составляют и в какой форме они упорядочены, чтобы сформировать отношения внутри себя. Лингвистический анализ предоставлял привилегии исследованию языка как такового, пренебрегая общим и бессистемным характером языка, и исключал исследование речи, поскольку она является индивидуальным, изменчивым и нестабильным выражением языка. В последствие, язык как объект исследования был абстрагирован из коммуникативной реальности, чтобы анализировать его как абстрактный объект, убедившись в этой форме однородности системы.

Второй момент характеризовался поиском объяснения внутреннего функционирования лингвистической системы и способности человеческого разума породить бесконечное количество элементов и отношений. Беспокойство исследователей не преодолело границы предложения, хоть и превзошло внешний план структуры языка, даже когда приобрело задачу полностью заняться проблемой значения, исходя из лингвистической компетенции идеального говорящего и слушающего. Она понимается как способность, которую имеют все носители языка, чтобы выработать все возможные предложения, исходя из конечных элементов. Этот момент представляет собой настоящую революцию в науке. По мнению Сёрля, революция Чомски в лингвистике позволила «использовать его результаты в языке,

---

¹ Шамахмудова Азиза Фуркатовна, (DSc), СамГИИЯ

чтобы попытаться развить общие антибихейвиористские и антиэмпиристические выводы о природе человеческого разума, радиус действия которого переходит через границы лингвистики» [5: 79] .

Конечно же, не перестаёт быть препятствием для понимания сложности феномена языка конфигурация в различных областях двух сторон одной и той же монеты: компетенция и лингвистическая деятельность. Для этой модели исследования, «человеческая жизнь кажется разделённой на грамматическую компетенцию, вид врождённой идеальной силы, и деятельность, потребность, больше похожая на откусывание от запретного плода, который бросают совершенный говорящий и слушающий в несовершенный мир. Об этом мире, где значения добываются потом и кровью, и коммуникация осуществляется с трудом, сказано очень мало. Образ представляет собой нечто абстрактное, разделённое, почти познавательный механизм, без какой-либо мотивации, и не случайно, образ человека в социальном мире» [3: 128].

Напротив, третий крупный момент в лингвистическом исследовании связан с объяснением языка вне его структуры, формы и его внутреннего функционирования: а именно, какие особые функции он выполняет во взаимодействии. Это не означает незнание ранее упомянутых исследований, а скорее поиск интеграции областей и уровней для более сложного и интегрированного понимания природы человека.

Мы остановимся на этом третьем моменте, чтобы сделать набросок методологических планирований одного из течений, которые включены в эту новую парадигму: этнография коммуникации или этнография речи. Этот подход, хоть он и содержит различия в отношениях с категориями анализа и исходной точки, которую они принимают для понимания и объяснения феномена других прагматических течений, таких как анализ дискурса, теория речевых актов и лингвистика текста, сохраняет общую черту, а именно поиск полной реконструкции лингвистических явлений, чтобы осознать, «кто может передать, что и кому и при каких условиях».

«Можно ожидать, что лингвисты постепенно осознают важность своей дисциплины внутри общей науки, и что они не останутся разделёнными традицией, которая угрожает стать схоластической, если не оживить её путём соотнесения с областями исследования, которые исходят из самого языка» [2: 156] .

Это стремление в отношении роли лингвистики и её положения в человеческой жизни, сформированное Эсканделем Видал, получает благоприятную почву в языковых исследованиях. Это объясняет факт формирования междисциплинарной области, в которой лингвисты постепенно заинтересовались многочисленными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, находящимися в компетенции языка. Там и возникает этнография коммуникации.

По Д. Хаймсу, термин «этнография коммуникации» очень точно подчёркивает важность этой дисциплины в языковых исследованиях, поскольку он преодолевает границы предыдущих моделей, и включает в себя многочисленные грани использования языка и их сложности. Понимаемая таким образом, этнография коммуникации исходит из двух основ:

- 1) нельзя отдельно рассматривать результаты лингвистики, психологии, этнографии, так как они представляются отдельно, чтобы потом попытаться соединить их.
- 2) нельзя брать лингвистическую форму, код или речь как границы информации.

Эти две предпосылки ориентируют задачу исследователя на получение последней информации, принимая во внимание «использование языка в

нелингвистическом контексте, выделяя собственные нормы речевой деятельности», поскольку они «недоступны отдельным исследованиям грамматики, личности, религии, родства и т.п.», так как «каждое восходит к нормам языковой деятельности и направляет их на другие границы информации». Впоследствии, общество воспринимается как контекст, и «исследуются его привычки коммуникации как единого целого, так же как и любое определённое использование канала и кода занимает своё место, исходя из ресурсов, применяемых членами общества» [4: 45].

Описания и объяснения, внесённые в лингвистику, интересуют только этнографию коммуникации, поскольку позволяют лучше понять способ осуществления коммуникации в границах культуры и общества. Поэтому охвачено исследование языка как коммуникации, а не как формальной системы.

Таким образом, в отношении объекта исследования, эта методологическая ориентация требует, во-первых, расположения границ общества, внутри которого возможна коммуникация; во-вторых, определить условия, при которых осуществляются коммуникативные ситуации, и в-третьих, установить средства, цели, нормы отбора, выработанные говорящими, их структуру и иерархию. Ограничение и уточнение являются основными для этнографии коммуникации, поскольку, те же самые лингвистические средства могут учитывать очень разнообразные коммуникативные намерения, которые могут осуществляться разными средствами, организованными различным образом.

Список использованной литературы:

- [1]. Baena L. A. *Linguística y significación*//Revista Lenguaje No.6, Univalle, Cali, 2013.
- [2]. Escandell Vidal. *Introducción a la pragmática. Serie Ariel Lingüística. Barcelona: Ariel, 1996*
- [3]. Hymes D. *Acerca de la competencia comunicativa*//Pride & Holmes (eds.). *Sociolinguistics*, 1972, pp. 269-293. Traducido por Juan Gómez B.
- [4]. Hymes D. *Hacia etnografías de la comunicación*//*Antología de estudios de etnolingüística y sociolingüística*, 2009. Op.Cit. pp. 48-89.
- [5]. Searle J. *La revolución de Chomsky en la lingüística*.Anagrama, Barcelona, 1974